

ТРОЕ С ОСТРОВА ОТЧАЯНИЯ

Глава 1. Отшельник

Плоский берег океана, полоса мокрого песка, вода шипела и пенилась у черных утесов. Вдали на скалах серой шапкой лежали густые заросли леса. Александр Селькирк стоял по щиколотку в жидкой песчаной массе, смешанной с галькой и темными водорослями. Он смотрел, как восточный ветер гонит белую громаду парусов шхуны «Кинк Портс» все дальше и дальше от острова. Судно шло тяжело, с низкой осадкой.

— С такой течью, — упрямо повторил Александр, — до материка не дойти, клянусь потрохами кашалота!

Похолодев, словно жаркий тропический воздух вдруг дохнул на него ледяным штормом, он со всей ясностью понял, что спорить не с кем. Он остался один.

Птицы шумно поднялись, кружась и крича, и тут же скрылись за редкими соснами. Все смолкло. Только прибор мерно грохотал о голые камни, и ревели тюлени. Услышит ли он когда-нибудь человеческий голос — пусть даже севший голос чертова капитана Стредлинга, с которым он разругался до драки? Или до конца жизни его слух будут наполнять только птичьи крики и жужжание насекомых?

Он побежал вперед, увязая в мокром песке, вытянул руки и крикнул что-то бессвязное, жалкое. Легкое воздушное течение принесло туман, и Селькирк, как ни силился, уже не мог разглядеть очертания корпуса и мачт уходящего в океанскую даль судна. Вздохнув, он собрал раскиданные на песке вещи, которые матросы выбросили из шлюпки на берег.

— ...На необитаемом острове будет безопаснее, чем на корабле с пробоиной и с таким бездарным капитаном, как ты! — крикнул он этому чванливому неучу, разодетому, как знатный идальго.

— Ах, ты хочешь остаться на острове? Оставайся! Заодно вспомнишь, как надо обращаться к капитану! — заорал черный от злости Стредлинг. — Боцман, шлюпку!

...Кремневое ружье. Нож. Фунт пороху. Пули. Огниво. Табак. Чайник. Навигационные инструменты. Библия. Псалтырь. Александр двинулся вверх по каменистому склону на опушку холма — там можно построить хижину и ждать. А ждать ему предстояло четыре года и четыре месяца.

Нет, пожалуй, в мире человека, кто бы в детстве не упивался приключениями знаменитого моряка, не помнил бы его друга Пятницу и печальный крик попугая: «Бедный, бедный Робин Крузо, как ты сюда попал?»

Что так цепляет в судьбе невольного изгнанника на острове отчаяния? Ведь не просто упорство, воля к жизни, находчивость. Ловкость, с которой Робинзон изготавливает зонтик — это мастерство ремесленника, какими были все жители восемнадцатого

века. Любой из них, а не только сын башмачника, сумел бы при надобности разделать тушу козы, обработать и сшить шкурки так же легко, как каждый из нас может включить Wi-Fi.

Нечто значительное присутствует в этом необыкновенном образе. И у нас нет ответа, что именно, потому что мы, те, кто прочитал «Приключения Робинзона Крузо» в пересказе для советских детей, знаем только мастеровитого покорителя природы. А весь мир знает другого человека.

Архипелаг Хуан Фернандес несколько столетий служил убежищем для мореплавателей. Обогнув мыс Горн, корабли останавливались здесь, чтобы пополнить запасы свежей воды и провизии. На трех кусочках земли в Тихом океане, в четырехстах милях от Южной Америки росли капустные деревья, на которых топорщились пучки белых листьев, по виду и по вкусу и вправду напоминающие садовую капусту. Моряки, которые подолгу пережидали в тихой гавани штормовую погоду, посеяли в лесу репу, и она разрослась на несколько акров. Рыбу, которая водилась здесь в великом множестве, Александр не удил: без соли она просто не лезла ему в горло. Зато он варил бульон из крабов, которых было так много, что они прыскали из-под ног, как мыши, когда он шел по берегу. Тысячи коз бродили по холмам — и мясо, и одежда, и матрас. Из козьих шкур Селькирк сшил себе куртку, бриджи и шапку, протягивая нить через дырочки, которые он проковырял ножом. Видел бы отец, как он ловко управляет с кожами! Нож изнашивается, но тут ему крупно повезло: нашел на берегу обруб от бочки. Он раскалил железо в языках пламени, добытого трением, и заточил его камнем, как первобытный человек.

Он ни разу не натолкнулся на следы человеческой жизни, чему на самом деле был рад, поскольку дикарей опасался. Больше всего ему досаждали крысы, которые сошли на берег с кораблей и размножились до безобразия. Они грызли его одежду и даже ноги, пока он спал, до тех пор, пока Александр не поселил в хижине котов, тоже ссаженных с какого-то судна. Коты умеют одомашнить пространство, и мурлыканье пушистых клубочков, свернувшихся на лежанке, придавало уют грубо срубленной хижине. Расположившись на своей любимой поляне, той, что с видом залива, Александр учил кошек танцевать под шотландские напевы и сам не раз вскакивал и кружился с ними, притоптывая босой ногой с мохолистыми ступнями о мягкую траву.

...Археологи недавно обнаружили место, где жил Александр Селькирк, и площадку на вершине скалы, где он стоял, всматриваясь в горизонт. Рядом с ручьем они нашли следы опор, которые держали две хижины, построенные из веток гвоздичного дерева и покрытые длинной травой и козьими шкурами. Для подтверждения было достаточно самого расположения с его широким видом на якорную стоянку, но ученые откопали также и фрагменты навигационных приборов, бывших в списке вещей, которые Селькирк привез с собой на остров.

Всегда безоблачное небо, изобилие пищи, которая буквально сама шла в руки, хижина, овеваемая прохладным океанским бризом, — и тоска, непреодолимое желание вновь увидеть человеческое лицо. Александра охватило такое отчаяние, что он едва удерживался, чтобы не наложить на себя руки.

«Когда я раскрыл Библию наудачу, мне бросились в глаза следующие слова: “Призови меня в день печали, и я освобожу тебя, и ты прославишь имя мое” <...> Прежде чем лечь, я сделал то, чего не делал никогда в жизни: опустился на колени и стал молиться Богу, чтобы он исполнил обещание — освободил меня, если я призову его в день печали».¹

Порох кончился быстро. Он отловил пару козочек и удивлялся, глядя, как они толкаются в маленьком загончике, что можно мечтать о кусочке сыра. За козами он теперь охотился голыми руками. Шустрые животные, сперва доверчивые, быстро раскусили, чем грозит им новый островитянин, и ловко уворачивались, гоняя его вверх и вниз по каменистым склонам. Однажды коза, перескакивая с одного камня на другой, заманила его на самую вершину холма. Александр рванулся за ней, ветка, за которую он ухватился, выскользнула из рук, и он полетел со скалы в пропасть. Он пролежал на дне ущелья три дня. Сознание покидало его и снова возвращалось. Ночами, когда смолкала птичья трескотня, тишину нарушали лишь жуткие завывания морских чудовищ, которые поднимались из глубин океана и, казалось, подбирались все ближе и ближе к нему. Высоко в небе, словно далекий парус, стоял над ним месяц и с каждым днем прибывал, будто звездный ветер надувал его тугую парусину. Ныл ушибленный бок, — еще хорошо, что он упал на эту проклятую козу, а то бы убился насмерть, — саднили, не заживали царапины на руках и сверлила, как болячка на сердце, горькая мысль: что же он сотворил со своей жизнью?

Родная деревня, Нижнее Ларго, была такая маленькая, что даже Верхнее Ларго, где церковь

¹ Даниэль Дефо, Робинзон Крузо, перевод – Мария Шишмарева, Ридерз Дайджест, 2009

украшал высокий готический шпиль, казалась ему чуть ли не городом. У пристани толкались лодки, на которых местные рыбаки выходили в море за сельдью. Главная улица (она так и называлась — Главная) вилась вдоль залива; домики, зорко глядя из-под черепицы, всеми окнами следили за парусами, которые белым пятном возникали на горизонте и спешили дальше — в Эдинбург, Портсмут, в далекие южные моря. Мать потакала ему. Босой голенастый парнишка, который вечно торчал на заливе, среди рыбаков, был седьмым ребенком в семье Селькирков, что по шотландским поверьям было гарантией исключительной судьбы.

Но откуда она могла взяться — исключительная судьба — в этой унылой дыре?

— Всю жизнь, — злился Александр, поддавая ногой гальку на каменистом берегу залива, — всюто жизнь придется корпеть, согнувшись, в башмачной мастерской, которая перейдет по наследству от отца, Джона Селькирка, и как он, до старости, (а Джон, конечно, представлялся парнишке глубоким старцем! *Прим. автора*), сидеть с шилом в руках и ничего не видеть, кроме поношенных подошв.

А рядом, буквально через улицу от их дома, в таверне «Красный лев» собирались моряки. Молодой Селькирк часами нависал над потертым столом с мокрыми круглыми следами перелитой через край пены, цепко ухватив кружку, словно весло или мушкет. Корабельный фонарь тускло светил сквозь клубы табачного дыма, ямайский ром оставлял во рту сладость, а в голове — легкое кружение и манящую мешанину про страны, где золото валяется под ногами, про жаркий ветер сирокко, про рабынь с ожерельем из ракушек на черных глянцевых шеях... Отец ворчал, а мать махнула рукой: «Не удержать»...

...Сознание возвращалось и обдавало холодом: слова, которые тогда значили для него ничуть не больше, чем очередная отцовская выволочка, теперь звучали так, будто именно они пригвоздили его к этому острову: «Нет тебе моего благословения!» Камешки катились из-под быстрых козжих ног, падали вниз, в ущелье, и ему казалось, что они растут в полете, долетая до него, делаются все больше и больше, и это не камни уже, а его грехи, которые сыплются на него и покрывают его всего с ног до головы.

...Первое упоминание об Александре Селькирке нашлось в церковных анналах Нижнего Ларго шотландского графства Файв. Молодой человек вызывается на церковное собрание, чтобы получить внушение за недостойное поведение, а чтобы быть точнее, за драку, учиненную прямо в недрах семьи, и неповиновение отцу. Юноша, который станет образцом упорства и самодисциплины — для всего читающего человечества! — не может быть обычным буяном и скандалистом, похоже, что в нем клокочут и рвут из домашнего мира те самые силы, которые и должны привести его к исключительной судьбе. Он убежал из дома и нанялся на корабль. Прямо там, на пристани, среди дымящихся смоляных бочек, где он ударил по рукам с боцманом, и началась цепь несчастий, которая привела его сюда, в эту яму. Корабль захватили пираты и продали его вместе со всей командой в рабство. Ему удалось бежать, снова устроиться на корабль и небезуспешно: он вернулся домой герой-героем, с тугим кошельком и золотой серьгой в ухе. Теперь, после того как он распробовал вкус приключений, разве мог кто заставить его снова взять в руки черные кожи для башмаков?

Как-то, выпивая с приятелями в «Красном льве», где он теперь стал завсегдатаем, Александр заметил

«Лондон газет», оставленную здесь, видимо, проезжим путешественником. Желтый лист бумаги извещал, что знаменитый мореплаватель, капер и исследователь капитан Дампьер на двух судах собирается предпринять плавание в Вест-Индию.

В списке тех, кто записался в члены экипажа флотилии Дампьера, имя Селькирка стоит одним из первых.

Плавание протекало спокойно, но неожиданно умер капитан быстроходной галеры «Кинк Портс», где Селькирк служил вторым помощником. На освободившееся место Дампьер назначил капитана Томаса Стредлинга, упрямого и неопытного гордеца.

«Гордеца!» Селькирк замотал головой при этой мысли и застонал. Ему ли, жалкому грешнику, осуждать строптивый характер Стредлинга? «Но теперь, когда я захворал, моя совесть, так долго спавшая, начала пробуждаться, и мне стало стыдно за свою прошлую жизнь. И я взмолился: “Господи, будь мне помощником, ибо я нахожусь в большой беде!”»

Само место, где он метался в лихорадке, казалось ему теперь вполне соответствующим его душевному состоянию: он в пропасти. Александр горячо молился, и с каждым днем новая жизнь заполняла его. Боль стихла. Окрепнув, он вскарабкался наверх по стене ущелья и пополз домой, в свою хижину. Десять дней он пролежал без движения и мог бы умереть от голода, но подросшие козочки сами доверчиво подходили к своему хозяину, и он пил молоко прямо из вымени.

Теперь он положил за правило каждый день проводить определенное время в чтении Священного писания. Молитвы Александр произносил вслух, чтобы поддерживать дар речи. Три месяца спустя он

записал остатками чернил: «Я чувствовал благодать ко мне providения и от всего сердца благодарил Бога за свое настоящее положение со всеми его лишениями и невзгодами». ²

Он не просто примирился со своей участью, — он научился находить радость в своих повседневных занятиях, вырезая узор на крышке сундучка или даже просто вычищая внутренность кокосового ореха, чтобы сделать из него чашку. Уже потом, стоя на палубе шхуны «Герцог», Селькирк признается капитану Вудзу Роджерсу, что «был лучшим христианином во время одиночества, чем когда-либо он был до этого, и сомневается, будет ли еще». ³

Они заметили остров в 7 утра 31 января 1709 года: горные пики были ясно видны над горизонтом.

Капитан Роджерс послал на берег команду приглядеть место, где корабль мог бы бросить якорь. Стемнело, и моряки на борту шхуны вдруг увидели, что на берегу загорелся огонь, слишком яркий, чтобы быть огнями лодки. Они испугались, что это могут оказаться французы. Всю ночь капитан Роджерс и его офицеры держали корабль готовым к боевым действиям. Лодка вернулась — они тоже видели огонь и не решились причалить. Утром на берег отправился ялик с капитаном Робертом Фраем и шестью матросами, вооруженными до зубов. Ветер стих, и оба корабля, «Герцог» и «Герцогиня», бросили якорь в заливе. Потом его назовут «Ветренный».

² Даниэль Дефо, Робинзон Крузо, перевод – Мария Шишмарева, Ридерз Дайджест, 2009

³ The Story Of Alexander Selkirk From «The Englishman» by Richard Steele

Вудз Роджерс остался на борту и с тревогой смотрел на ялик, по-прежнему опасаясь, нет ли на острове иностранного гарнизона. Наконец лодка вернулась, нагруженная гигантскими лангустами. Среди своих моряков капитан с изумлением увидел человека, одетого в козьи шкуры: «Его вид был более диким, чем у настоящих обладателей этих кож», — напишет Роджерс в судовом журнале. ⁴

Александр Селькирк заметил корабли накануне и разжег на берегу костер. Наутро, увидев ялик, он нацепил на палку остаток белого полотна и закричал, чтобы привлечь внимание моряков. Услышав английскую речь, офицеры попросили незнакомца показать место для стоянки, и тот со всех ног кинулся им навстречу. Матросы разбили палатки на берегу. Больных — худосочных, с кровоточащими деснами и синими язвами на ногах, вынесли на носилках и разместили отдельно: моряки боялись приближаться к цинготным, считая их заразными, вроде чумных. Цинга, бич дальних переходов, часто подкашивала целые экипажи. По полгода моряки были вынуждены питаться пресными галетами, прогнившим мясом, да еще и запивать все это тухлой водой. Опытные капитаны грузили лимоны бочками или варили еловое пиво с сахаром. У Селькирка был свой метод. Бульон, сваренный из козьего мяса, он заправил репой, капустой и зеленью, которая все эти годы предохраняла его самого от болезни. Сменив свой островной наряд на матросскую робу, он разносил миски с супом по палаткам, придерживая за голову совсем ослабевших, подносил ложку прямо к беззубым ртам и хриплым, отвыкшим от разговоров голосом читал молитву.

⁴ Woodes Rogers A Cruising Voyage Round The World: First To The South-seas, Thence To The East-indies, And Homewards By The Cape Of Good Hope. Begun In 1708, And . A Journal Of All The Remarkable Transactions Nabu Press, 2011

«Эти листья, — писал Рождерс в своем дневнике, — мощно защитили мою команду от цинги. Из двадцати одного заболевшего мы похоронили только двоих».⁵

Обогнув скалу, которая острым углом выдавалась в море, Александр вывел команду охотников к тюленьему лежбищу. Бурые глянцевые тела, похожие на гигантских пиявок, облепив каждый утес, каждую каменную плиту, били лапами по воде и ревели, раздирая свои страшные усатые морды. Фрай даже присел, держась рукой за скалу:

— Да он своими челюстями схватит и перекусит меня пополам!

— Я сам их поначалу сильно боялся, — признался Селькирк, — а потом изучил их повадки. Времени-то хватало, — усмехнулся он и показал рукой на льва, который лежал поближе к ним, грея в солнечных лучах пятнистый бок. — Приглядишься, зверь поворачивает свое тело с необычайной медлительностью. Надо подобраться к нему как можно ближе, стать ровно против середины туловища — он и не заметит, как ты перерубишь его топором!

Наконец Роджерс отметил в судовом журнале, что корабль нагружен водой, восемь бочек с тюленьим маслом стоят в трюме, а паруса заштопаны. Ялик готов отчалить. Не видно только «губернатора острова», как прозвал Роджерс отшельника. Когда матросы уже взяли за весла, капитан заметил, что из-за кустов появился сначала высокий козий малахай, а потом и сам Селькирк.

— Поторопись, — сердито крикнул капитан, — через пару часов «Герцог» снимается с якоря.

⁵ Woodes Rogers A Cruising Voyage Round The World: First To The South-seas, Thence To The East-indies, And Homewards By The Cape Of Good Hope. Begun In 1708, And . A Journal Of All The Remarkable Transactions Nabu Press, 2011

Селькирк стянул с заросшей головы шапку, оглянулся на лес, словно искал одобрения, вздохнул и, наконец, произнес:

— Не сочтите меня неблагодарным, капитан, но не могу пойти с вами. Я остаюсь на острове, как бы мне не хотелось вернуться к родному берегу и прижать к груди своего престарелого родителя.

Рождерс сначала решил, что он недослышал. Александр и впрямь говорил нечетко, проглатывая окончания слов.

— Ты совсем стал дикарем, Селькирк! Желаешь кончить жизнь среди коз? Капитан Дампьер уверил меня, что ты опытный навигатор, и я хотел взять тебя на свой корабль штурманом.

— В нем и дело, сэр, если позволите, — сказал Селькирк, решительно насунав шапку на привычное место, — в Дампьере! Я дал обет Спасителю нашему, — тут он перекрестился, — что никогда моя нога не ступит на палубу судна, где поднят Веселый Роджер.

Рука капитана упала на позолоченный эфес шпаги. Вудз Роджерс распрямил спину и рявкнул так, что чайки, которые мирно шныряли по берегу, разом поднялись и отлетели в сторону:

— Командую флотилией я, капитан Королевского флота, а не штурман Дампьер!

От капитана Роджерса Александр узнал о судьбе шхуны «Кинк Портс». Вместо срочного ремонта пробоины в борту, на чем настаивал Селькирк, упрямый капитан Стредлинг взял курс в сторону Колумбии. Недалеко от берега парусник попал в шторм. Корабль разнесло в щепки, и из всей команды уцелели только сам капитан и полдюжины матросов.

Но и их участь была незавидна: испанцы выловили их из воды и отправили в Лиму, в тюрьму.

О ирония судьбы, капитан Стредлинг просидел в камере четыре года и четыре месяца.

Оба корабля, «Герцог» и «Герцогиня», вплывут в историю, географию и литературу. Жюль Верн отведет Вудзу Роджерсу место среди знаменитых мореплавателей восемнадцатого века в своей «Истории великих путешествий», а Уильяма Дампьера Джонатан Свифт в образе капитана Покока отправит в плавание вместе с Гулливером. Дневники обоих мореплавателей опубликованы при их жизни. Портрет Дампьера в золоченой раме висит в Национальной галерее Великобритании, а в Нассау, столице Багамских островов, стоит памятник капитану Роджерсу.

Миля за милей плыли корабли вдоль отдаленных берегов, покрытых девственными лесами. Чем ближе к экватору, тем нестерпимее становилась жара. Бочки с пресной водой показывали дно. Роджерс, собрав в кают-компани офицеров, объявил о решении атаковать испанский город Гуаякиль.

Капитан Роджерс навел подозрную трубу на тонкую зеленую линию на горизонте. Пара пистолетов с серебряными рукоятками, висящих на концах широкой шелковой перевязи, раскалилась на солнце. Широко расставив ноги в дорогах чулках и ботфортах из лучшей испанской кожи, которую только можно купить на Тортуге, стоял с ним рядом на капитанской рубке Уильям Дампьер. Темные ладони, до узких, цепких пальцев укрытые манжетами из

брабантских кружев, сложены за спиной. Он немолод, и его длинные волосы, разделенные на прямой пробор, серебрятся, как судейский парик. «Старый пиратский пес» — так называли его за глаза матросы. Под широким воротником прятался шнурок с бамбуковым цилиндром, где Дампьер хранил свой дневник. В этих записях — карты тропических островов, австралийские аборигены с полосками белой краски на лбу, москиты размером с птицу и птицы, которые переливаются радужными цветами. Не щурясь на яркий свет, он глядел на залитое солнцем море и пенящуюся кильватерную струю.

— Если ветер не переменится, — сказал Роджерс, складывая трубу, — к утру будем в Гуаякиле. Один дьявол знает, что из этого выйдет!

Испанское озеро, как тогда называли Тихий океан, бороздили три типа кораблей. В первую очередь, торговые суда. Испанские галеоны, которые перевозили товары от берегов Мексики до Филиппин, были так крепко вооружены, что ходили без конвоя. Затем каперы — частные суда, которые получали предписания от британского Адмиралтейства на военные действия. Капитаны этих кораблей были людьми с военным опытом и привычкой к дальним путешествиям. Их «прикрывали» и английская, и французская короны, — чтобы немного прижать соперников. И наконец, собственно пираты. Люди вне закона.

Красивый испанский городок в устье реки на берегу океана представлялся совершенно законной добычей и капитану Королевского флота Роджерсу, и пирату Дампьеру, и Селькирку, вольнонаемному моряку.

— Флибустьеры никогда не нападают на город, если не вышло застать всех врасплох! — назидательно заметил Дампьер. — И к чему нам спешить в такую жару?

Отвертев крышку от фляги, он сделал глоток и протянул ром Селькирку. Тот слабо махнул рукой:

— Нет, сэр, спасибо, я от своих привычек не отстаю. Пью только воду.

Губернатор Гуаякиля, молодой черноглазый офицер по имени Иеронимо Босса и Солиз, недавно прибыл из Тенерифе. Сидя на залитой солнцем веранде, как на капитанском мостике, он оглядывал свои новые владения: рейд, где покачивались на волнах торговые корабли, верфи, откуда доносился убедительный строительный шум, площадь, обрамленную рядами двухэтажных домов, церковь, где у входа обменивалась новостями компания зажиточных горожан. Чернокожий слуга в безукоризненной ливрее поставил на столик рядом с креслом губернатора бокал с оранджем. Не оборачиваясь, Иеронимо потянулся за прохладным напитком, и рука его замерла в воздухе: по склону холма, прямо на него неслась орда вооруженных каперов.

«Мы перезаряжали мушкеты и стреляли очень быстро, а враг сделал только один выпад и спрятался за свои орудия», — отчитается капитан Роджерс об атаке в своем рапорте Адмиралтейству.⁶ Испанцы отстреливаются беспорядочно и наугад из четырех пушек, которые установлены в конце широкой улицы перед церковью. В клубах едкого дыма

каперы наступают вперед, тесня защитников города. Первыми пугаются лошади: срываясь с места, они несутся прочь, а за ними, бросив на произвол врага орудия, удирают канониры.

Когда проблески рассвета рассеяли предутренний туман, жители города, осторожно выглянув в щели между ставнями, обнаружили, что на церковном шпиле поднят английский флаг. Пара домов на площади назидательно преданы огню. Моряки прочесывают склады, подвалы, церкви. На корабли отправляются лодки, груженные мешками с мукой, горохом, рисом и золотой посудой — не меньше чем на тысячу фунтов. За 22000 золотых Роджерс обещает губернатору воздержаться от поджога города. Капитан зол и разочарован: он подозревает, что испанцы успели вывезти в лес и закопать там золота на десять выкупов. Жара и влажность высасывают силы. Команде не терпится скорее погрузить захваченные ценности в трюм и поднять якорь.

Сумрак тропической ночи накрыл разоренный городок. Отряд, который вел Селькирк, двигался по пустынным улочкам, пропахшим гарью. На окраине, у самой реки, они наткнулись на дом, укрытый за цветущими апельсиновыми деревьями. В окнах было темно, но внутри явно слышалось какое-то шевеление. Дверь распахнулась с первого удара. Селькирк ворвался в комнату и застыл в изумлении: в слабом мерцании свечи он увидел дюжину бледных, перепуганных женщин. Молодых, красивых, одетых в изящные платья. Последний раз Александр видел женщин почти пять лет назад, в бристольском порту. Он криво улыбнулся. Около резного буфета, на столике блестело серебряное блюдо; на нем стояла коробка с перуанскими сладостями и початая бутылка вина. Селькирк схватил бутылку за горлышко и медленно, не переводя дыхание, выпил.

⁶ Woodes Rogers A Cruising Voyage Round The World: First To The South-seas, Thence To The East-indies, And Homewards By The Cape Of Good Hope. Begun In 1708, And . A Journal Of All The Remarkable Transactions Nabu Press, 2011

— Ты что застыл, черт тебя разбери! — сердито крикнул матрос и толкнул его в спину мушкетом. Селькирк поставил пустую посудину на столик и ловко швырнул в мешок серебряный поднос.

— Дамочки, — он снял широкополую шляпу и учтиво поклонился, — мы не причиним вам вреда!

Английские моряки так галантны, так обходительны: сережки из смуглых ушек вынимают как настоящие джентльмены! Селькирк деликатно, чтобы не смутить стыдливость благородных дам, похлопывает ладонью по ногам и бедрам, нащупывая цепочки и украшения, припрятанные под юбками из тонкого шелка.

Флотилия состояла теперь из четырех кораблей: «Герцог», «Герцогиня», призовое судно «Маркиз» и фрегат «Бетчелор» — так в честь главного спонсора экспедиции назвали захваченный испанский галеон, который вез из Манилы в Акапулько драгоценный груз: «шелка, тафта, мускус, гвоздика, корица, сталь и китайский фарфор». ⁷ Они петляют между островами, откачивают помпой воду, которая льется через пробоину в корме «Герцога», переживают штормы, мятеж, продают в голландской Ботсване «Маркиз», дно которого изъедено червями, выдерживают голод, когда за две недели путешествия от одной гавани к другой морякам удалось поймать всего лишь двух дельфинов, — и огибают земной шар.

11 сентября 1711 года капитан Роджерс сделает лаконичную запись в своем судовом журнале:

⁷ David Cordingly Spanish Gold: Captain Woodes Rogers and the True Story of the Pirates of the Caribbean

«Сегодня в 11 утра мы, наш второй корабль и приз вошли в английский порт Эриф, где мы встали на якорь, что завершило наш длинный и утомительный вояж». ⁸

В Лондоне капитана Дампьера, «старого пиратского пса», зовут совсем по-другому — морской король. Пират и ученый, он совершил три кругосветных путешествия, водил форсированные марши сквозь джунгли Панамы и составил карту ветров Южных морей. Вернувшись в Лондон, он поселился на тихой улице между Гилдхоллом и Бедламом, больной и одинокий. Через три года после возвращения Уильям Дампьер встал, как говорили моряки, на вечную стоянку на церковном кладбище. Денег, вырученных за продажу с аукциона земельного участка, едва хватило, чтобы покрыть долги.

Незадолго до отъезда капитан Роджерс женился на дочери адмирала. Молодая семья поселилась в Бристоле на Королевской площади в доме из красного кирпича и с белыми колоннами на входе. Вернувшись, Роджерс обнаружил, что Сара наделала уйму долгов, и все деньги, которые остались после уплаты торговой пошлины, ушли на то, чтобы выкупить заложенный дом. Потомственный авантюрист, Роджерс не растерялся. Он обработал свои дневники и договорился об их публикации в преуспевающем издательстве, где печатал свои памфлеты модный лондонский журналист Даниэль Дефо. Гонорар, заработанный на издании книги, спас мореплавателя от долговой тюрьмы.

Его карьера в самом расцвете. Король назначит капитана Роджерса губернатором Багамских островов, полностью находящихся под контролем

⁸ Woodes Rogers, цит. произведение

пиратов. Вудз Роджерс будет вести переговоры с береговым братством, кого-то «перекупать», предлагая королевские патенты и законную мирную жизнь, а тех, кто не согласится — «сушить» на солнце, для чего вдоль бухты Провиденс будет построено порядка 40 виселиц...

Тем временем книга «Кругосветное путешествие», которую написал знаменитый капитан, не залеживалась на развалах у книжных торговцев. Вся Англия увлечена географическими открытиями и морскими приключениями. Особенно захватывает воображение публики судьба отшельника с острова Хуан Фернандес.

Живое свидетельство об Александре Селькирке осталось в газете «Англичанин». С нескрываемой горечью он признался журналисту Ричарду Стилу: «Сейчас я стою восемь сотен фунтов, но я никогда не буду так счастлив, как я был, когда не владел ни фартингом».⁹

Интервью сделало моряка знаменитостью. Журналист представил читателям человека, который «надолго был отлучен от людского общества: во взоре его изображалась важность и веселая бодрость, и какое-то пренебрежение к окружающим его обыкновенным предметам, как если бы он был погружен в задумчивость».¹⁰

Александра приглашают в богатые дома, он заводит знакомства с аристократами, ездит в дорожных экипажах. Однако он недолго нежится в лучах славы: интерес к нему довольно быстро падает, он угрюм, раздражителен и плохой рассказчик.

⁹ The Story Of Alexander Selkirk From «The Englishman» by Richard Steele

¹⁰ Там же.

...Пристроив шляпу рядом с собой, незнакомец присел на заднюю скамейку, положил стиснутые ладони на спинку сидения перед ним и набожно потупил глаза. Рослый джентльмен в черном камзоле, богато расшитом золотом, и в Лондоне не остался бы без внимания, в скромной же церквушке Нижнего Ларго, где незнакомцы редки, а дальним плаванием считается выход в залив за селедкой, он сразу стал объектом всеобщего перешептывания. Наискосок от прохода, почти напротив пришельца, расположилось почтенное семейство Селькирков: старый Джон со своей хозяйкой, тоже немолодой, слегка расплывшейся тетушкой в белом чепце с оборками, здоровяки-сыновья и невестки в праздничных пледах, заколотых серебряными брошами, чьи головки, как стрелки компаса, немедленно повернулись туда, где сидел элегантный моряк, — тем более что он и сам, казалось, поглядывает в их сторону.

Конечно, первой его узнала мать. Привстав, она настороженно посмотрела на незнакомца, словно не доверяя своему чувству, и вдруг кинулась по проходу, роняя шаль, перчатки, молитвенник:

— Александр!

Все вышло так, как он представлял, когда, сидя под палящим солнцем с раскрытой Библией на коленях, рисовал в воображении в мельчайших чертах свое возвращение. Прощение, которое тут же, плача и хлопая сына по крепкой спине, дал ему старый родитель, тучный телец, которого мать поворачивала на вертеле, поливая мясным соусом, старший брат, солидный, хозяйственный, который, легко подхватив, унес и поставил рундук в свободной комнате своего дома, друзья и соседи, которые собрались на пир и осторожно, словно стеклянную,

передавали из рук в руки чашку, выточенную из кокосового ореха....

Вот только что делать дальше, он не знал. Люди, общество стесняли его, жали, как сапоги. Проще всего он чувствовал себя с хозяйскими котами, которые теперь переселились наверх, в его комнату, и стали его ближайшими компаньонами. Он научил зверюшек кружиться, а они так привязались к нему, что часами сидели у окна, ожидая, когда он вернется. А ждать приходилось долго, потому что Александр, покидав в котомку хлеб и сыр, уходил спозаранку в долину и бродил там в одиночестве до самого вечера. В деньгах он стеснен не был, однако потратился только на покупку лодки. Когда позволяла погода, он болтался среди утесов, занимаясь делом, которое напоминало ему об утерянном рае, — ловлей лангустов.

К дому его отца примыкал небольшой сад. На бугорке, покрытом мягкой травой, Александр выстроил хижину. Днями напролет он слушал, как стучат по крыше, крытой ветками, капли дождя, и смотрел на залив, на темный горизонт, словно снова и снова искал там спасительный ответ.

Деревенский доктор, которой дожил до почтеннейших лет, часто показывал молодому учителю, Джону Селькирку, то место в саду, где стояла хижина его дяди, и пересказывал сотый раз историю о том, как он, еще совсем мальчишка, пробежал мимо этого странного строения и слышал, как моряк, сидя в нем, плачет и причитает: «О, мой милый остров, зачем я покинул тебя!»

Туман стелился по долине Кейл, по-утреннему тонкий, и, клубясь, закрывал вершину каменной

башни, которая стояла на пригорке, среди не видных за белым молоком деревьев. Здесь, в развалинах замка Питкруви, Александр любил устраивать привал, прячась от влажного воздуха под старыми арками. Но сегодня его место оказалось занятым. На камне, около полуразрушенной винтовой лестницы, сидела юная девушка. Клетчатая шаль с бахромой по краю покрывала ее гладкую голову с двумя косичками и белую блузку, выпущенную поверх юбки в сборку, оставляя открытыми только ладошки, в которых она держала лиловые веточки вереска. Тихонько напевая, девушка время от времени поглядывала на корову, которая паслась около пруда. Не решаясь нарушить пасторальную картинку, Александр спрятался за углом башни и оттуда несколько часов наблюдал за милой пастушкой.

С того дня он забросил лангустов и перестал просиживать днями в своей хижине. Одинокую пастушку звали София Брюс, и ему сразу понравилось, что она, так же, как и он, шумным сборищам предпочитала уединение Киельской долины, а посиделкам с подружками — церковную службу.

Ранним утром, когда зыбкий туман, пришедший с залива, накрыл деревню так основательно, что было не видно ни коттеджей, шеренгой выстроившихся вдоль маленькой гавани, ни церкви, ни отцовского сада, парочка села в дилижанс и отправилась в Бристоль.

Александр так торопился начать, а точнее, вернуть безмятежную жизнь, что даже не взял с собой рундук, который так и остался стоять в его комнате под охраной котов. В доме его брата еще долго показывали гостям чашку из кокосового ореха, искусно украшенную серебряным орнаментом...

...Появление его в Бристоле сопровождается упоминанием — и не на страницах модных газет, а в заметках Королевского суда, где шершавым судейским языком говорится, что Александр Селькирк был задержан за драку с корабельным мастером Ричардом Нетлом в приходе святого Стефана.

А спустя еще полгода его фамилия появляется в списке членов экипажа небольшой шхуны «Интерпрайз». Несколько лет судно плавает вдоль Британских островов и, наконец, осенью 1720 года бросает якорь в порту Плимута.

Поговорка гласит, что у моряка есть по жене в каждом порту. Не обошел эту банальную тему, кстати, и капитан Роджерс: «Во время стоянки «Герцога» и «Герцогини» в Ирландии «наша команда постоянно женилась, хотя они все знали, что должны были немедленно отплыть. Среди других католический священник сочетал браком датчанина и ирландку, которые не понимали ни слова на языке друг друга, так что во время бракосочетания им пришлось пользоваться услугами переводчика».¹¹

Лес мачт мерно поднимался и приседал вместе с волной. Рослый офицер в черном камзоле с позументами выбрался из шляпки на берег и двинулся сквозь портовую толчею, энергично действуя плечом и тростью с золотым набалдашником. Соленый влажный воздух пах какао, сухим табачным листом, патокой и грязью. Кричали торговцы, гремели фургоны, полуголые матросы разгружали корабли, крепили веревки, волокни, закинув на спины, мешки с сахаром, дельцы договаривались о сделке и, поплевав на ладонь, били по рукам.

¹¹ Woodes Rogers, цит. произведение

— Селькирк! — окликнул его знакомый грубоватый голос, — давай сюда! — Высунувшись из открытого настежь окна «Короны и якоря», ему махал рукой моряк с короткой лоснящейся косичкой: — Будь я проклят, если в этом трактире не самый лучший ром во всем Плимуте!

Пригнувшись, Селькирк вошел в просторную комнату с деревянными балками на потолке и сел, навалившись локтями на стол.

— Эй, — крикнул он, — стакан рому и воду!

Хозяйка, верткая черноволосая красotka, шныряла между столиками, как чайка по пристани, и шутила с посетителями. Селькирк нетерпеливо стукнул кулаком по столу. Она подлетела мгновенно, одобрительно кивнула на золотой позумент камзола и наклонилась, мимолетно прильнув к его плечу рукавом пышной блузки, к самому уху:

— Не спеши, морячок! Сейчас все будет!

В книгах приходской церкви святого Эндрю есть запись о выдаче лицензии на брак Александра Селькирка и Френсис Кендиш, вдовы хозяина гостиницы. Тем же днем помечено и завещание, в котором все свои деньги, дом и землю Александр отписал «горячо любимой жене Френсис Селькирк».¹²

Зал суда огромный, как кафедральный собор. Если долго смотреть вверх, на высокий потолок, то может закружиться голова. На круговой галерее толпятся зрители. Дамы обмахиваются веерами, журналисты взволнованно перешептываются: это не просто пикантное дело о завещании, которое оспаривают две жены моряка. Это женщины

¹² John Howell, *The Life and Adventures of Alexander Selkirk*, Read Books Design, 2010

Александра Селькирка, про которого написан популярный роман, его каждая приличная семья считала должным поставить у себя на книжной полке. В высоком кресле сидит судья, прямой, как спинка стула. Бедная София от страха не может разглядеть его лицо, она видит только длинное белое пятно под париком и витые букли, которые спускаются на черную мантию. Ее личико, беленькое, с бескровными губками, обхвачено полотняным платком, сложенным треугольником и туго завязанным под подбородком, — так в Нижнем Ларго покои веков носили головной убор замужние женщины. Но чем, кроме белого платка и серебряной брошки, которой заколота клетчатая шаль, единственного подарка мужа, чем еще она может доказать, что Александр и вправду на ней женился? Склонив головку, она слышит голос судьи, который рокошет, как прибой в заливе, лопотание зрителей в галерее, кружащее над ее головой, как чайки перед бурей, и пронзительное, как у вороны, карканье черноволосяй бабенки: «самозванка», «дурная репутация»... К напористой Френсис попали: деньги, дом, пара золотых канделябров, четыре кольца, меч с серебряным эфесом, серебряная табакерка, трость с золотым набалдашником, сундук с льняным бельем, морские книги, инструменты...

С новой женой Александр прожил всего лишь несколько недель. Оказавшись по делам в Лондоне, он случайно столкнулся на Флит-стрит с Ричардом Стилом, и тот не узнал моряка. «Несмотря на все удовольствия, — признался журналисту Селькирк, — общество не может вернуть мне покоя моего одиночества».¹³

¹³ The Story Of Alexander Selkirk From «The Englishman» by Richard Steele

21 декабря 1720 года корабль Его Величества «Веймут» под командованием капитана Огла покинул Плимут и взял курс на Гвинею, как тогда называли Западную Африку. Первым помощником капитана шел Селькирк.

Перед самым отъездом Александр завернул в таверну «Ландодже троу», где капитаны в белых париках с косичками просиживали вечера за картами и ромом. Вудз Роджерс позвал бывшего спутника по путешествиям, чтобы познакомить со своим приятелем, журналистом Даниелем Дефо, который приехал в бристольский модный спа поправить здоровье, подорванное в тюрьме. Болтать Селькирк был не склонен, тем более он до сих пор стеснялся, что, будучи арестован за очередной дебош в дешевом портовом кабаке, дал полиции адрес Роджерса на Королевской площади. Он молча выпил предложенную пинту, так же молча положил перед Дефо свернутую трубочкой рукопись и ушел.

Об этом путешествии мы знаем подробно от судового хирурга «Ласточки» Джона Аткинса. Пятидесятипушечный фрегат присоединился к экспедиции капитана Огла, чтобы вместе патрулировать торговые пути. Вернувшись в Англию, Аткинс издаст две книги. В «Морском хирурге» он впервые опишет малярию, африканскую сонную болезнь и другие тропические напасти. А «Вояж в Гвинею» поразит воображение читателя: «Берега реки Сьерра-Леоне покрыты мангровыми деревьями, а воды изобильны крокодилами и акулами. Акулы могут есть все, включая брезент и одеяла, а если

за борт опускается тело, то чудовища разрывают его и пожирают».¹⁴

На Золотом берегу, в Эльмине — поселке, заселенном португальцами еще в пятнадцатом веке, располагалась штаб-квартира Королевской Африканской компании. Будем говорить откровенно, это был работорговый порт. Корабли вошли в глубоководную гавань через узкий вход, защищенный небольшим фортом. Пятнышко цивилизации окружали густо покрытые лесом холмы, где эхом отражались крики попугаев и обезьян. Экзотические фрукты: ананасы, бананы для лучших домов Европы собирали черные африканцы, свезенные со всех концов Гвинеи. Капитан Огл приказал разбить на берегу палатки, где поселился экипаж обоих судов.

Вот тут и начались смерти. Судовой хирург Аткинс винил невероятную жару и беспробудное пьянство, которому моряки предавались из-за дешевого пальмового вина. «Они скоро впали в такие экстазы, — писал Аткинс, — что это принесло эпидемическую злую лихорадку».¹⁵

Эффект был просто катастрофический. Капитан Огл был вынужден купить несколько черных рабов, иначе корабли не смогли бы поднять якоря. Они добрались до португальского острова Сан-Томас, но смерть не оставляла их. Как писал хирург Аткинс в докладной записке в Адмиралтейство, «Веймут» вернулся в Англию, имея 280 мертвых в своих отчетах.

Имя Александра Селькирка было добавлено в печальный список, когда военные корабли стояли в Эльмине. Огл, капитан корабля «Веймут»,

¹⁴ John Atkins A Voyage to Guinea Brasil and the West Indies, Routledge, 2014

¹⁵ Там же

13 декабря 1721 года сделал запись: «Слабый ветер и хорошая погода. Мистер Селькирк умер».¹⁶

Глава 2. Боец

Когда стареешь, жизнь начинает бежать быстрее. Словно убегает от тебя. Словно короче становятся не только годы, — дни, минуты, только успевай переворачивать песочные часы. И даже бессонная ночь не кажется мучительно длинной.

Больной откинул одеяло, сел и двумя руками протер лицо, растягивая кожу. За окном светлело, и заря поднималась над городом, высвечивая зигзаг островерхих крыш. Золотая полоса ширилась, солнечные блики бежали по реке и разгорались все ярче, ярче, словно заливая воду огнем.

Он зажмурил глаза — то ли чтобы снять напряжение, то ли чтобы отмахнуться от наваждения — ему показалось вдруг, что Темза горит. Что он снова тот перепуганный мальчишка, который стоит у окна, вцепившись в занавеску, и, как замороженный крольчонок, смотрит на стену огня — а она двигается к нему, выбрасывая вперед искры и языки пламени.

...Ветер гнал пожар по тесным улочкам, где домики так низко нависали над землей, что почти касались друг друга вторыми этажами, и огонь рвался вперед, перепрыгивая с одной соломенной крыши на другую, пожирая заборы, жилища, скарб. Треск заглушал крики и причитания, и мальчику казалось, что перед ним, как на огромной сцене театра «Глобус», артисты изображают бегство, беззвучно раскрывая рты. Купол собора Петра и Павла таял, как крем; расплавленный свинец стекал с него и лился рекой по улице. Люди вытаскивали пожитки из

¹⁶ John Atkins A Voyage to Guinea Brasil and the West Indies, Routledge, 2014

горящих домов, несли на постелях больных, катили тележки, набитые грудями барахла.

Около каменной церкви Святого Жилия за стеной метались те, кому нечего было спасать — бродяги и увечные. Приходской храм, как и вся коротенькая Фор-стрит, лепился снаружи к городской стене, которая окружала Лондон. Нищих побирušек, которые обычно толпились у ворот Криплгейт, выпрашивая монетки, теснили к стенам храма беженцы, валом валившие из города.

Отец и мать лихорадочно, хватая первое, что попадется под руку, грузили вещи в тачку, в которой маленький Даниэль по утрам развозил товар покупателям, и волокли в церковь, под каменные своды. Их деревянный домик, крытый соломой, как и все остальные постройки в приходе святого Жилия, где жила семья Джеймса Фо, мог вспыхнуть от одной искры, как большая сальная свеча, из тех, которыми торговал отец семейства. Весь город пылал, и мальчик на втором этаже уцелевшего дома, казалось, остался один, как на острове, в море огня.

Над балконом соседнего дома кружились голуби, арка огня закрывала от них небо, а снизу, из лопнувшего окна, рвались пламенные языки. Один, два, три — мальчик считал, как птицы с обожженными крыльями красными комками падали вниз.

Огонь остановился у городской стены...

Грузный старик стоял у окна, приложив руку к сердцу, которое стучало так торопливо, словно тоже куда-то спешило, и глядел, как солнце зажигает цветные стекла на серой башне церкви Святого Жилия. Великий пожар 1666 года смел старый тесный город.

— Очищающий огонь, очищающий — в прямом смысле этого слова, — поправил себя Дефо, — он выжиг самое страшное бедствие, которое когда-либо

нападало на род человеческий — Черную Смерть, чуму! Это был не иначе как перст Божий, не иначе как Его всемогущая длань. Ведь зараза не боялась никаких лекарств: смерть свирепствовала повсюду... Еще немного, и во всем городе не осталось бы ни души!

Чума завелась здесь, в бедном приходе Криплгейт, среди прогнивших домиков, влажных склизких камней старой римской стены и мутной жижи, заполняющей ров. Крысы роились под окнами, среди мусора, и казалось, что вся улица шевелится бурным ковром. А в домах, за дверьми с нарисованными красными крестами, было тихо, как на кладбище, да кладбищем и был весь приход, где почти каждое жилище стояло заброшенным, и только ночами раздавался скрип телеги, звон колокольчика и хриплый крик: «Вносите мертвецов!»

Господь, будь милостив к нам!

Старик нагнулся и задул уже не нужную свечу. Он сильно сдал за последний месяц — болезнь пожирала силы, как пожар. Смуглое лицо стало совсем желтым, как воск, а темные волосы, обычно скрытые под роскошным белым париком, висели теперь надо лбом жалкие, жидкие, мокрые от пота. Он часто и днем оставался в постели, не силясь даже спуститься по приставным ступенькам и ополоснуть лицо остывшей водой из тяжелого кувшина. Добросердечная миссис Бронкс, его домохозяйка, ставила на прикроватный столик потертый поднос с поджаренным хлебом и кружку эля, подтягивала сползшее одеяло и, приподняв больного за плечи, поправляла полотняные подушки. Иногда ему становилось легче, чаще это случалось ночью, и он, как старый цирковой медведь, которая привык выполнять один и тот же фокус, подвигал ближе к столу дубовое кресло, раскладывал перед собой бумаги и разглаживал

рукой загибающиеся листы, словно успокаивая, словно смиряя жар спешащих строчек. Но не писал.

Скандалы добились «Ревью» — газета, которая съела десять лет его жизни, была полностью разорена. Лорд Оксфорд, ее тайный владелиц и покровитель, то попадал в тюрьму, то снова набирал силу, и сам Дефо едва избежал ареста, напечатав статью, где усомнился в честности судьи, который разбирал его дело.

«Тринадцать раз был богат и тринадцать раз впадал в нищету, — писал он сам, — причем не однажды испытал переход из королевского кабинета в Ньюгейтскую тюрьму».¹⁷

Родители Даниеля надеялись, что он выберет карьеру проповедника, хотя вряд ли могли считать ее безоблачной и спокойной, когда сами были гонимыми диссидентами-протестантами в католической стране и поздними вечерами, взяв за руку маленького сынишку, пробирались на тайные встречи в молельню бесстрашного доктора Аннерсли. Положение священника-нонконформиста не обещало особых выгод, скорее надо было готовиться к бедности и унижениям. Вместе с королем Карлом Вторым в Англию вернулась не только монархия — торжествовал католицизм, и место протестантов, а особенно пуритан, сужалось с каждым новым законодательным актом. Однако семейство Фо, не считаясь со средствами, отдает единственного сына в академию преподобного Мортонна. Чарльз Мортон учит своих студентов писать на живом, разговорном языке и вести острые политические дискуссии: о гражданских и личных свободах,

¹⁷ Даниэль Дефо. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк А.В. Каменского Челябинск: Урал, 1995.

о религиозной терпимости, об опыте, который приобрело английское общество за годы Гражданской войны и правления Кромвеля. К концу царствования Карла даже студенческие собрания становятся опасны, их приравнивают к «заговорам против прерогатив короны». Сам преподобный Мортон, как и многие пуритане, вынужден эмигрировать в Америку (там, в Новой Англии его назначают вице-президентом Гарвардского колледжа и священником в Чарльстонской церкви. Он будет проповедовать христианство аборигенам и, сам когда-то гонимый, станет одним из гонителей салемиских ведьм). Еще неопознанные им самим силы бьются в молодом человеке, как огонь в печке. Даниэль Фо (аристократическую частицу «де» он приплюсует позже) окунается в самое горячее политическое направление, (которое мы бы сейчас назвали либеральным); он уже пробует, еще неуверенно, перо, но больше всего ему хочется вырваться из нищеты прихода Криплгейт.

Самый верный путь к славе и богатству, пусть рискованный — Сити.

Сначала скромный галантерейщик, торговец чулками, он лихо пускает в оборот отцовское наследство, а потом и приданое жены, Мэри Тафли, дочери виноторговца. Дефо торгует табаком, разводит мускусных кошек (для нужд парфюмерии), спекулирует на бирже, наконец, снаряжает корабли в Португалию, Францию, Италию, нагрузив их контрабандным вином, сам плывет на одном из судов и чуть не попадает в плен к алжирским пиратам.

Вернувшись в Англию, он становится заметной фигурой. Камзол с блестящими золотыми пуговицами, вороной жеребец и первая книга «О проектах», где фонтаном льются фантастические идеи, которые потом станут обыденностью для всего человечества: о социальном страховании, женском образовании

и подоходном налоге. Смерть Карла Второго, веселого короля, чье осторожное легкомыслие, воспитанное долголетней ссылкой, все-таки оставило жизненное пространство для инакомыслящих, освободила престол для его брата Якова Второго, убежденного и упертого католика. Все ждут взрыва, и он, конечно, происходит.

Джеймс Скотт, герцог Монмаут, незаконный сын Карла Второго высаживается в порту Лайм графства Дорсет и предъявляет права на корону. К герцогу стекаются радикально настроенные протестанты, фермеры, горожане, ветераны армии Кромвеля. В Сити волнение. Трое друзей Даниэля, выпускники академии Мортонна, собираются в доме самого отчаянного из них и с собрания прямиком скачут под знамена инсургентов. Дефо в прямом смысле слова запирает свою лавочку и берет в руки оружие. Повстанцы терпят огушительное поражение в битве при Седжмуре. Солдаты короля рыщут по округе, добывая мятежников и даже тех, кто оказывал восставшим какую-либо помощь. Монмаут найден переодетым в рваные крестьянские тряпки в придорожной канаве и обезглавлен в Тауэре. (Поклонники «Одиссеи капитана Блада» уже догадались, что писатель Рафаэль Сабатини положил в основу своего романа эпизод из жизни молодого Дефо?) Друзья схвачены, а Дефо чудом остается невредимым, потому что в этих краях его, лондонца, никто не знает в лицо. Он прячется на деревенском кладбище и до темноты сидит, скрючившись, за высоким надгробьем, не смея лишний раз пошевелиться и в сотый раз перечитывая имя, квадратными буквами высеченное на защитившей его плите: «Робинзон Крузо».

В истории всех стран много трагедий, но не каждая так сильно задевает народные чувства, чтобы

зацепиться в памяти и стать легендой. До сих пор в Лондоне каждый лодочник, который ведет свой клипер по Темзе, показывает туристам маленькую, как грибок, таверну, втиснутую между громадами верфей. Деревянные подпоры, сделанные из старых мачт, держат комнату с низким потолком и окнами, выпуклыми, словно паруса, надутые ветром. Темза плещется прямо под балконом, то оголяя, то до половины погружая в волны столб с перекладиной и веревочной петлей. Сюда, на этот балкон подавали обед «кровавому» Джеффри Джарвису, судье и прокурору, чтобы он лично мог следить, не прерываясь на трапезу, за завершающей стадией судебного процесса. Запивая элем баранью ногу, Джарвис наблюдал, как в гавани Исполнения Приговора «плясали» повешенные на короткой веревке мятежники и как равнодушная волна прибое трижды накрывала их с головой. Две тысячи мятежников: «Повесить!», «Колесовать!», «Четвертовать!», — лондонский палач перегружен, и на помощь ему привлекают мясников со Смитфильда. Но даже могучей гильдии скотного рынка не справиться с таким потоком: оставшуюся тысячу арестованных король распоряжается продать в рабство на сахарные плантации Барбадоса.

Те, кто читал «Одиссею капитана Блада», помнят, как отважный доктор, смеясь прямо в лицо жестокому судье, предрекает ему скорую смерть от болезни. Но о таком исходе Джарвису останется только мечтать.

Качели раскачиваются по всей Европе: католик — гугенот, гугенот — католик. Французы отменяют Нантский эдикт, гарантирующий свободу вероисповедания протестантам, и тысячи беженцев наполняют английские приморские города. А в протестантской Англии король Яков Второй,

который обещал сохранять господствующую англиканскую церковь, распускает Парламент и публикует декларацию, снимающую все ограничения с католиков. Даже прежде равнодушные к политике горожане недовольны. Религиозный фанатизм и неподконтрольность короля Парламенту однажды уже привели страну к Гражданской войне. Все хорошо помнят Кромвеля и больше не желают у власти тирана, который первым делом прикрыл театры и пабы.

Дефо наконец находит себе оружие по руке. Его памфлеты, остроумные и злые, разлетаются среди читателей в клубах, кофейнях, на улицах Лондона, по всей стране. «Если так скоро забывается коронационная клятва, то какое же значение можно придавать другим его обещаниям? Одним из прямых последствий этой декларации будет новый наплыв благодарственных адресов со всех концов страны; потому что нет пределов той низости и нахальному низкопоклонству, до которых может дойти лезть порабощенного ума».

От последнего Стюарта отшатываются даже его сторонники, он не сопротивляется и бежит из страны. На ступеньках гавани Исполнения Приговора полицейские ловят судью Джарвиса, переодетого в матросскую робу: он пытается скрыться, договорившись с лодочником, но тот узнает «кровавого» завсегда таверны и поднимает шум. Джефри Джарвис умирает в Тауэре от беспробудного пьянства. Можно ли это считать болезнью?

Вильгельм Оранский, штатгальтер Нидерландов, протестант, высаживается в Торби, чтобы занять престол вместо Якова Стюарта. «Славная революция» 1688 года меняет судьбу Англии и Дефо.

Купец он плохой. Кирпичный завод работает, сто человек рабочих (по три шиллинга на руки в день), корабли, груженные товаром, плывут во Францию, доходный дом в Вестминстере исправно приносит денюжки — и все без его участия. Семья, про которую он вспоминает только в официальных письмах («мое многочисленное семейство») — заброшена. Он проводит время на скачках в Нью Маркете, где собирается вся столичная знать, и пьет в лучших увеселительных заведениях вино по 5 шиллингов за бутылку. В клубах его встречают аплодисментами — прославленный публицист и поэт! Его памфлет «Чистокровный англичанин», где он со всей страстью поддерживает короля-иностранца, разошелся по стране с невиданным количеством — 80 тысяч — экземпляров, и это когда успехом считался тираж в 2-3 тысячи.

И вовсе не крушение кораблей в Бискайском заливе, а безудержная готовность все бросить и схватиться за перо — вот что неизбежно приводит его на порог долгой тюрьмы. Однако он выкручивается, снова пишет проекты, стихи, становится доверенным лицом самого короля Вильгельма и советником королевы. Обрастает обожателями и ненавистниками.

Качели качнулись снова. Вильгельм Оранский падает с лошади, и английский престол наследует Анна, дочь короля Якова. Дефо, еще вчера блестящий придворный и общественный деятель, отринут новым двором и правительством, которые заполнили религиозные фанатики, готовые немедленно свести на нет дорогие ему принципы Славной революции: религиозную терпимость и гражданские свободы. «Мне удивительно, что все против меня, — пишет

он в очередном памфлете, — между тем как я положительно уверен, что правда — на моей стороне».

Натурально, десяти лет свободомыслия достаточно, чтобы избаловать писателя! Как он потерял представление о готовности многих сограждан снова нырнуть за шоры страха и невежества? Он пишет памфлет-пародию, будучи уверен, что все поймут: он смеется. Едкая сатира — как бы от собственного лица он предлагает кратчайший способ разделаться с диссидентами. «А легко, — пишет он, — перевешать всех, и нет делов!»

Он не отдает себе отчет о состоянии умов в обществе: его сатиру принимают всерьез. Сторонники жестких расправ с инакомыслящими потирают руки и объявляют его брошюрку руководством к действию, а единомышленники в ужасе отшатываются от него!

Требуется месяц раздумий и смятенных объяснений писателя, чтобы до всех дошло, что он на самом деле имел в виду. Доходит, наконец.

«Он высмеивает духовенство и нарушает общественное спокойствие!» — объявляет граф Ноттингемский, очень хочется написать, шериф, но нет, министр внутренних дел, требует немедленного ареста смутьяна и объявляет награду за его поимку. Вот тут мы, наконец, узнаем, как выглядел великий писатель. Предписание об аресте, опубликованное в «Лондон газетт», сообщает: «Это человек среднего роста, около 40 лет. Он носит парик, у него нос крючком и большая родинка возле рта...»

Памфлет Дефо «Как разделаться с диссидентами» в феврале 1703 года публично сожжен лондонским палачом. Типографщик и книгопродавец, который распространил «пасквиль», арестованы. Дефо, чтобы спасти от разорения ни в чем не повинных людей, решил сам отдаться в руки правительства.

Суд приговаривает его к троекратному выставлению у позорного столба и заключению до тех пор, пока сама королева не пожелает освободить его.

Едкий смрад, который источала тюремная клоака, разъедал глаза. Стены Ньюгейта, сжавшие его существование до маленькой камеры с деревянными нарами, дышали сыростью и миазмами чужих страданий. Пристроившись ближе к оконному отверстию, оснащеному крепкими железными решетками, он писал, быстро макая перо в дешевую чернильницу.

«Привет тебе, Великая махина!
Ты — государства темное бельмо,
Наказываешь грубо без причины
Позора не достойных твоего!»

Дверь приоткрылась, впуслав вопли, рев, проклятия, несущиеся из соседних камер, и стражника, которого заключенный, снабдив мелкой монетой, послал в тюремный трактир за едой и элем.

— Завтра тебя будут выставлять на площади в Чипсайде, — буркнул он. Дефо протянул руку и в раскрытой ладони тускло блеснул шиллинг — хорошо еще что-то завалялось в кармане.

— Подожди, я сию минуту допишу. Снесешь типографщику!

«Здесь, на твоём парадном табурете,
Смотрю на панораму площадей,
Судьбу монархов я увижу в свете
Непостижимых Божеских идей».¹⁸

¹⁸ Даниэль Дефо, Гимн позорному столбу

Угрюмый детина, которого от тех, кого он охранял, можно было отличить только по связке ключей в руке, топтался у двери, сопя и шумно вздыхая, и под его тяжелыми подошвами слой вшей, покрывающий пол камеры, скрипел, как прибрежная галька: — Ты... это... давай... того... не велено...

Рука в драном кружевном манжете взлетела над листом бумаги, опустилась и вывела: «Гимн позорному столбу».

Позорный столб в Англии обязаны были иметь, согласно парламентскому акту от 1405 года, даже маленькие деревни и города. Те, которым была не по карману установка столба, носили скромное название «местечко», им запрещалось открывать рынок. Наказывали таким образом, как правило, за мелкие нарушения: мясников — за продажу гнилого мяса, тетенек — за сводничество, писак — за острый язык.

Поглазеть на позорный столб — увлекательное занятие для неизбалованной развлечениями публики, а тут — знаменитый журналист, денди, придворный, пусть в замызганном, но камзоле — как не бросить в него тухлым яйцом или конским навозом? Когда стража выводила Дефо из тюрьмы, на улице перед входом уже собрался народ. Политики, журналисты, зеваки ждали его, чтобы сопроводить к месту экзекуции. Когда арестанта привязали к столбу и надели на голову ярмо, эти люди окружили его плотным заслоном.

Веревки жгли кожу, шея, вытянутая вперед и зажатая в круглом отверстии, ныла, разгоняя боль по всему телу, от затылка по скрюченной спине. Соленые капли текли по лицу: то ли пот, то ли слезы, он зажмурил глаза, снова открыл и мутно глядел, как

кружатся вокруг, будто на балу в Банкетном зале нарядные цветастые дамы, кавалеры в пудренных париках, остроконечные крыши Чипсайда, кружится шпиль на колокольне и угрюмый охранник с огромным ржавым ключом больше дома... Юркие мальчишки-разносчики машут желтыми листами и кричат назойливо: «Только из типографии!» А толпа надвигается, окружает его, многолица, многорукая, танцует и поет смутно знакомые слова: «Привет тебе, Великая Махина!» Что-то мокрое, холодное шлепнуло его по лицу.

«Грязь», — подумал он.
Это были цветы.

Газета не бывает прибыльным делом, даже такая популярная, какой стала «Ревью»: она выходила три раза в неделю и разлеталась по всей стране. Дефо печатался, наверное, во всех лондонских изданиях. Издал восемьдесят самых разных сочинений только за годы после тюрьмы Ньюгейт, которая, как монументальный знак, отделяла его новую жизнь от счастливого десятилетия свободы. Король, уже четвертый на его веку, Георг Первый Ганноверский, ни слова не говорил по-английски. Оставшись без всякой поддержки, Дефо работает, как каторжник, иногда полностью заполняя столбцы газетного номера своей рукой. Финансовые неудачи следуют одна за другой: «мистер Ревью» попадает в долговую яму, выходит и на другой день снова отправляется туда же по требованию русского посольства, потому что в какой-то статье называет императора Петра Первого сибирским медведем. Наконец его выпускают благодаря связям и тайной, полушпионской работе на правительство, которой он стыдится и скрывает

даже от детей... «Наемный писака», назвал его кто-то из ненавистников.

— Наемный писака, — повторил он вслух громко, зло, и пошатнулся, словно сбитый с ног несправедливыми словами. Он успел ухватиться за спинку дубового кресла; медленно, поочередно перехватывая руками опору, подтянул потерявшее уверенность тело и опустился на жесткое сидение. Апоплексический удар, от которого до сих пор кружилась голова и немело лицо — вот что досталось ему в награду за все эти груды бумаги, которые он исписал в своей жизни!

— Унизительное ремесло, — бормотал он, — унизительное ремесло, говорите вы, писать из-за хлеба! Тем хуже для меня, господа, если после всех моих трудов, страданий, опасностей, после всей возбужденной против меня ненависти, после тех унижений, которым мне пришлось подвергаться, я часто не мог добиться этого хлеба... Я пристал к правому делу и твердо держался за него всю мою жизнь! — гневно крикнул старик, словно продолжая спор с невидимыми гонителями, — я не изменял ему, когда подвергался за него гонениям; я не нажил богатств, когда оно торжествовало; и, слава Богу, нет еще такой партии и такого двора во всем христианском мире, которые были бы в состоянии купить меня и заставить изменить этому делу!

Его жизнь, оснащенная, как самый лучший фрегат, счастливыми Божьими дарами: талантом, умом, неукротимой энергией, потерпела крах. Волна несчастий закинула его в эту убогую комнатенку, как в насмешку вернула в нищий приход у ворот Криплгейт, туда, откуда он всю жизнь рвался. И вот он лежит здесь в отчаянии, разбитый, униженный, покинутый родными, друзьями и даже недругами, один

среди кипучего Лондона, как матрос, брошенный на необитаемый остров.

В комнате было холодно. Стекла слегка дрожали, ритмично отзываясь на порывы ветра, сквозняк струйками сочился из оконных щелей и шевелил бумаги, разложенные на столе. Письма, которые он не отправил адресатам, книги, не разрезанные изящным ножиком из слоновой кости, судовые журналы, которые достались ему от врача со шхуны «Ласточка», свернутая в трубочку так и не прочитанная рукопись, которую передал ему в бристольской таверне рослый загорелый моряк, Селькирк...

Он поморщился, словно проверяя, двигается ли онемевшая щека, нетвердой рукой взял со стола рукопись и развернул туго свернутые листы:

«Но теперь, когда я захворал, — прочитал он, медленно водя глазами по крупным, старательно выведенным строчкам, какими всегда пишут малообразованные люди, — моя совесть, так долго спавшая, начала пробуждаться, и мне стало стыдно за свою прошлую жизнь. И я взмолился: „Господи, будь мне помощником, ибо я нахожусь в большой беде!“»

Роман «Приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка», который Дефо написал за четыре месяца и снес издателю, даже не перечитывая, стал бестселлером. Как шутили уже вдогонку недоброжелатели: каждая домохозяйка считала своим долгом купить книжку Дефо и передать ее по наследству.

В истории мировой литературы практически нет примеров, когда первый и лучший роман рождается у писателя на склоне его жизни. Для восемнадцатого века шестьдесят лет — это уже старость, это уже где-то за пределами жизни. Еще удивительней выглядит полный поворот: от журналистики к литературе, от политики — к религиозным исканиям, от памфлета — к христианскому роману.

«Теперь я оглядывался на свое прошлое с таким омерзением, так ужасался содеянного мною, что душа моя просила у бога только избавления от бремени грехов, на ней тяготевшего и лишавшего ее покоя».¹⁹

Кто из них проговорил эти слова: штурман, умирающий от тропической лихорадки в Новой Гвинее, лондонский памфлетист с онемевшим лицом или выдуманный герой, который станет реальнее для всего мира, чем оба других, его прототип и создатель? Моряк из Йорка, выброшенный на берег необитаемого острова воображением великого писателя, проживает биографию каждого из них: от отчаяния, заброшенности к горечи за годы потерянные, которые «пожрали саранча, черви, жуки и гусеница» (Иоиил 2625), и, наконец, к полной перемене внутреннего состояния.

С тем же напором, с каким Робинзон обращает в христианство своего чернокожего друга Пятницу, с той же энергией Дефо кидается рассказывать читателям о своем религиозном опыте. Вся кутерьма его жизни: горластые пираты, попрошайки прихода Криплгейт, проститутки из бристолевских таверн, соседи по тюремной камере, — из всего этого сора, облепившего его жизнь, как ракушки днище корабля,

¹⁹ Даниэль Дефо, Робинзон Крузо, перевод – Мария Шишмарева, Ридерз Дайджест, 2009

вырастают романы о преобразовании души. «Моль Фландерс», «Славный капитан Синглтон», «Полковник Джек»... Словно в награду, Даниэль Дефо — публицист, издатель, политик, шпион — в нашей-то памяти, памяти читающего человечества, остался именно христианским писателем.

Одной из последних его книг стал «Семейный наставник», где Дефо писал о религиозном воспитании детей, сожалел глубоко о том, что всего этого он сам не сделал для своих сыновей и дочерей. Король Георг Второй регулярно читал эту книгу на ночь своим детям. Королевским отпрыскам требовалось слушать христианское звучание мира. А советским детишкам знать об этом было совершенно излишне.

Глава 3. Мученик

Мир, который окружал советского человека, молчал. Молчали картины. Неслышно перебирали строчки стихотворцы; как великий немой, молчала рядом с нами великая литература.

Школьники парами чинно шли по залам, рассматривая отрезанные головы на блюдечке, босые пятки странника, припавшего к коленям старика, мальчика на берегу реки и дяденьку в капюшоне, который положил на лоб ему руку. Учительница выстраивала класс полукругом в зале древнерусской живописи, и иконы молча смотрели на детей. Они-то говорили. Это мы не знали языка.

Обязательный «духовный набор» советского интеллигента: музей, филармония, Пикуль. Все — да — «проходили» в школе литературу, проходили и не улавливали аллюзии второго, третьего плана — да что там третьего! — как вообще можно читать Достоевского и Пушкина, не зная Священного Писания? О чем говорит старец Зосима с Алешей? Кто

такой этот шестикрылый серафим, явившийся на перепутье?

Ходили в «культпоход» в театр — и Иоланта пела своему рыцарю «любовные» песенки. Посещали филармонию, и ни один из нас не знал, что Бах писал свои концерты для богослужений.

От нас отсекали все нити, которые связывают с христианством.

В выхолощенном мире литература подменялась начетничеством. Великая живопись превращалась в комиксы. Музыка — в развлечение для профессионалов. Пустая душа заполнялась пустотой. Как останелые, мы вытеснили из сознания духовную сферу и смыслом жизни оставили материальные цели. Это началось практически сразу. У бар из усадьбы легко вытащить пианино, но невозможно украсть умение понимать музыку. Можно дом завесить краденными картинами, но ни у кого еще не получалось позаимствовать чувство прекрасного.

Каждая душа, как известно, по природе своей христианка. Что с ней станет, если у нее отнять Христа?

«Вот уже 4-я ночь, как я не сплю. Стыдно показаться людям: такой я невыспанный, растрепанный, жалкий. Пробую писать, ничего не выходит. Совсем разучился. Что делать? Иногда думается: как хорошо умереть».²⁰

Вид комната имела самый отчаянный. Одеяло, сбитое в ком, свернутые в жгуты простыни, измятые подушки валялись на полу, растопырив четыре угла.

— ...и подушка, как лягушка, как лягушка... — бормотал скрюченный за столом человек в поношенном пальто без пуговиц. Поднятый воротник

²⁰ Ирина Лукьянова, Корней Чуковский, Молодая гвардия, 2007

закрывал голую шею, а длинное, измятое лицо обхвачено было руками, которые торчали из съехавших рукавов чуть ли не до локтя. Волосы патлами свисали на ладони, на лоб, на глаза, которые он то сжимал, то раскрывал во всю ширь, словно сиюсья высыпать набившийся в них песок. Стол был завален так, что казалось, за ним работает не меньше трех человек: раскрытые книги, бумаги переваливались через край, сползали на пол и разбегались по комнате. Стеариновые пятна лепились на тетрадах, на листах, исчерканных правками, с наклеенными тут и там полосками бумаги — словно карты фантастической местности, по которой нельзя пройти без Вергилия. Удушливый запах брома, казалось, пропитал этого человека до самого основания, так и не принеся, впрочем, ни малейшего облегчения. Сон не шел.

Корней Иванович Чуковский жестоко мучился бессонницей.

«Я представляю из себя уникальное существо: меня можно показывать за деньги — и не сплю, и не зарезался».²¹

Он тяжело поднялся, опираясь ладонями на стол, и подошел к окну. Непроглядная темень заглотила все, что его окружало: лес, дорожку, домики, — ни в одном не видно было дрожащего мерцания свечи. Он щелкнул костяшками пальцев по окну:

— Давай, проснись, хоть ты составь мне компанию! Даром я тебя все лето кормил!

...Паук развесил свою сеть за оконной рамой, проникнув туда через крошечную дырочку в верхнем углу окна: осколок выпал, наверное, когда раму прибавали к переплету. Роскошная паутина переливалась на солнце всеми цветами радуги, а проворный хозяин с перекрестом на спине сновал

²¹ Корней Чуковский. Дневник. 1901-1969, Прозаик, 2012

вверх-вниз, как матрос по вантам, поджидая добычу. А кто же нарочно будет пробираться сквозь дырку, чтобы попасть, прямо скажем, на обеденный стол?

А мух Корней Иванович приметил давно.

По утрам он любил посидеть на крыльце, подставив лучам воспаленные веки. На деревянных перилах, согретых солнцем, мостились целые стаи насекомых с позолоченными брюшками и жужжали, словно пчелы в улье. Поднявшись, Чуковский ловким движением длинной руки захватил пригоршню мух и одну за другой засунул в дырку в верхнем углу окна.

За лето хозяин паутины растолстел и так привык к ежедневному плотному завтраку, который неизменно поставлял ему Корней Иванович, поднося к окну в специально заведенном для этого дела конверте, что уже не сидел на сигнальной нити, а быстро бежал навстречу кормилицу...

Чуковский стукнул по стеклу еще раз:

— Ну, где ты там?

За окном не было ни движения.

Он отвернулся, раздосадованный, и полой раскрывшегося пальто задел кипу бумаг, которые скользнули, потянув за собою еще какие-то обрывки, свеча качнулась, и тень заскакала на старых ободранных обоях.

Огромные пучеглазые головы, тонкие длинные ноги, узкие, как лопасти пропеллера, крылья, — все плясало, крутилось, сверкая позолоченными брюхами, а в углу, там, где только что лежало скомканное одеяло сидел, набычившись, огромный черный таракан, и его усы шевелились, как радиоантенны, и прищуренные темные глаза смеялись над ним, и подвигались все ближе, ближе...

«Принесите-ка мне, звери,
Ваших детушек,
Я сегодня их за ужином
скушаю!»

«Когда в тридцатых годах травили «Чуковщину» и запретили мои сказки — и сделали мое имя ругательным, и довели меня до крайней нужды и растерянности, тогда явился некий искуситель (кажется, его звали Ханин) — и стал уговаривать, чтобы я публично покаялся, написал, так сказать, отречение от своих прежних ошибок и заявил бы, что отныне я буду писать правоверные книги — причем дал мне заглавие для них «Веселой Колхозии». У меня в семье были больные, я был разорен, одинок, доведен до отчаяния и подписал составленную этим подлецом бумагу. В этой бумаге было сказано, что я порицаю свои прежние книги: «Крокодила», «Мойдодыра», «Федорино горе», «Доктора Айболита», сожалею, что принес ими столько вреда, и даю обязательство: отныне писать в духе соцреализма и создам... «Веселую Колхозию». Казенная сволочь Ханин, торжествуя победу над истерзанным, больным литератором, напечатал мое отречение в газетах, мои истязатели окружили меня и стали требовать от меня «полновесных идейных произведений». В голове у меня толпились чудесные сюжеты новых сказок, но эти изуверы убедили меня, что мои сказки действительно никому не нужны — и я не написал ни одной строки. И что хуже всего: от меня отшатнулись мои прежние сторонники. Да и сам я чувствовал себя негодяем. И тут меня постигло возмездие: заболела смертельно Мурочка. В моем отречении, написанном Ханиным, я чуть-чуть-чуть исправил слог стилистически и подписал своим именем...»²²

²² Самуил Лурье, Евангелие ежа, Колокол № 3, 2002

Если позволено было бы дописать дневниковую запись Корнея Чуковского, то последняя фраза завершилась бы словами: обмакнув перо в собственную кровь.

Как много можно сказать, глядя на этих истерзанных людей из нашего далека!

Можно упрекнуть, что они сами произнесли все слова, которые вызвали на поверхность их жизни пропавшего серой Ханина. Можно вспомнить, что и сам Ханин спустя пару лет упал лицом в хлюпающий кровью пол в подвале Лубянки. Не лишним будет рассказать и о судьбе Лидии Чарской, которая умерла от голода в пустой комнате, где не было ничего, ничегошеньки, ни стула, ни куска хлеба, — только нацарапанный на стене телефон Зоценко. А ведь это он, Корней Иванович Чуковский, первым разоблачил «пошлые» книжки детской писательницы, чью «Княжну Джаваху» читали девочки по всей России наравне с Гоголем и Пушкиным. «Особенно недосыгаема Чарская в пошлости патриотиказарменной: “Мощный Двуглавый Орёл”, “Обожаемый Россией монарх”... “христолюбивое воинство”», — писал молодой критик, уничтожая вслед за Чарской и журнал «Задушевное слово» за его религиозное «ханжество», и всю «старорежимную» детскую литературу.²³

Но нас никто над ними судьями не поставил. Только с горечью и содроганием можем мы смотреть, как ползли на них из всех углов жуткие хитонические чудовища и правили свои страшные брачные обряды, плавя людскую жизнь в единое целое со смертным ужасом, как оживали ночные кошмары и наваливались на все живое своим позолоченным брюхом.

«Выросла целая плеяда “Чуковских”, которые занимаются беспредметным развлекательством, — обличает некто Разин в своей статье «Про серого зайнуку и пятилетку». — В книге Чуковского “Мойдодыр” имеются моменты религиозного мировоззрения (“Боже, Боже, что случилось”)

Не станем делать даже осторожные, осмотрительные предположения, что именно мучило Чуковского. Новомодные барбитураты? Боль — что разгромлена жизнь, что он, по его собственным словам, не написал и тысячной доли того, что мог написать? Разочарование во всем, что так бодрило в молодости? Остановимся на свидетельстве очевидца, который явил свою пронизательность всему читающему миру.

Евгений Шварц: «Он [Чуковский] бушевал в одиночестве, не находя пути по душе, без настоящего голоса, без любви, без веры...»

...Он упал в кресло, откинувшись на его круглую плетеную спинку, и не выпрямляясь, только вытянув вперед длинную руку, взял со стола книгу в кожаном переплете. На обложке, одетый в высокий малахай, сшитый из козьей шкуры, стоял одинокий человек. Укрывшись от палящего солнца самодельным зонтиком, он смотрел вдаль, в открытое море, нарисованное яркой синей краской, смотрел напряженно, страстно, словно искал там спасительный ответ.

Даниель Дефо. «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове».

Книга легла на худые мосластые колени и, распахнувшись под небрежным движением пальца, открылась на случайной странице.

²³ Корней Чуковский, Сочинения, Правда, 1990

«Но теперь, когда я захворал, моя совесть, так долго спавшая, начала пробуждаться, и мне стало стыдно за свою прошлую жизнь. И я взмолился: „Господи, будь мне помощником, ибо я нахожусь в большой беде!“»

— Черт побери! — вскричал Чуковский и с размаху швырнул книгу в тот угол, где бесформенным комком валялось одеяло, — этого никогда никто не напечатает!

Перевод Чуковского — уникальное произведение. Таких больше нет, учитывая, что книга Даниэля Дефо «Робинзон Крузо» была переведена на все человеческие языки и не раз. Но ничего подобного не существует. Никому не пришло бы в голову взять ножницы и вырезать из великого христианского романа, из духовной биографии человека, саму суть.

Кем предстает советскому ребенку Робинзон Крузо? Нет, это не хлюпик из старорежимного перевода Марии Шишмаревой, отягощенный религиозными исканиями. Чудак в высокой шапке из козьей шкуры, ремесленник, который умеет при помощи ногтя и палочки построить хижину, развести костер, посадить репку. Бодрый, энергичный оптимист, который не теряет присутствия духа ни при каких обстоятельствах. Атеист, который вместе с дикарем Пятницей смеется над догматами христианской церкви. Приключение, умение выжить, стойкость, человек — покоритель природы — вот «Робинзон Крузо», которого мы знаем с детства.

«И вот, не спросив ни родительского, ни Божьего благословения, я сел на корабль, отправляющийся в Лондон». ²⁴

²⁴ Здесь и далее цит. по Даниэль Дефо, Робинзон Крузо, перевод –

Сначала надо было поработать над происхождением. Купеческое сословие — чуждый класс. Сделать отца Робинзона крестьянином или рабочим мануфактуры? Можно. Но не исчезнет главное — драма раскаяния героя в том, что он пренебрег волей отца, нарушил пятую заповедь. Что делать? А вот что. Построить конфликт между идеологически чуждым отцом, который, как и все купцы, заботился только о собственной выгоде, и сыном, который рвется к светлому будущему. У Дефо — отец укоряет и упрямивает молодого человека отказаться от рискованного замысла. Это все надо убрать. Глубоко втянув воздух, словно собираясь нырять, Корней Иванович нацарапал на узкой полоске бумаги: «Горе тебе, если убежишь, — кричит черствый сердитый папаша». ²⁵ Смазав обратную сторону бумажки клеем, он приложил ее на зачеркнутую фразу Даниэля Дефо и несколько раз провел сверху пальцем — для верности. Казалось бы, исправление невелико, но оно полностью меняет смысл в правильном, в нужном советскому человеку направлении.

Робинзона охватывает глубокое раскаяние? Пишем: «боялся гибели».

Таак. Буря. Команда корабля перед лицом опасности. Матросы молятся — заменяем: паникуют.

Сама суть книги заключается в том, что герой старается понять смысл своей жизни, во всем уповая на волю Господа. Вот этого не нужно. Чуковский создает образ человека, который всего добивается сам. Приходится уточнять содержание.

Дефо пишет: «Очутившись на земле (после кораблекрушения), возблагодарил Бога за спасение моей жизни, я ходил по берегу, возделвал руки к небу». Этот абсолютно непонятный и бессмысленный

Мария Шишмарева, Ридерз Дайджест, 2009

²⁵ Здесь и далее цит. по Даниэль Дефо, Робинзон Крузо, перевод – Корней Чуковский, НИГМА, 2013

с точки зрения советского человека эпизод нуждается в обновлении. Сделаем проще: «Я стал бегать и прыгать, и даже пел и плясал».

Чуковский работает, слово за словом вытравливая из текста все несоветское. Он хорошо выучил урок.

«Боже! – восклицает Крузо, — спасибо, что я добрался до берега» — «Какое чудо, что я добрался в такую погоду до берега».

Следом за своим героем бредет переводчик по острову Хуан Фернандес, травянистые тропы ведут его между редких сосен, к каменистому берегу, по которому быстро, бочком, бегут крабы... Высоко на утесе появился белый силуэт: коза! Робинзон хватается за ружье. «Это был первый выстрел, — замечает Дефо, — раздавшийся здесь с сотворения мира». Как бы не так! Правка просится сама: «Это был первый выстрел, раздавшийся в этих диких местах».

Корней Иванович с шумом отпил остывшего чая из стакана и поставил его обратно, словно прижимая серебряным подстаканником ворох исписанных листов. Дефо, наконец, нарушает одиночество своего героя — он встречает молодого человека, аборигена, называет его Пятницей. Задача непростая. Робинзон — представитель английского империализма, и отношения между ним и Пятницей — типичные отношения колонизатора и туземца: белый должен поработить дикаря, ограбить. Упускать эпизод нельзя, надо показать, что первым шагом для порабощения является крещение. «Оставляем», — решает Корней Иванович. Вначале Робинзон поработит Пятницу морально, то есть обращая в христианство. С ограблением труднее — отнять у Пятницы нечего, да и Робинзону ничего не нужно, кроме того, что у него есть, а остров принадлежит обоим в равной степени. Как же быть? Опыт

советской антирелигиозной пропаганды услужливо подталкивает к юмористическому решению. Выставим христианство Робинзона в смешном виде. Простой человек, труженик копы, Пятница будет задавать прямые вопросы, вопросы естественного человека, на которые Робинзон, с детства подвергнутый облучению религии, не сможет, однако, найти ответ, будет выкручиваться и юлить. «Вот почему, — бесхитростно спрашивает Пятница, — если Бог такой сильный, как дьявол, почему Бог не убей дьявол, чтобы он не делал больше зла?»

Прищурив один глаз, Чуковский берет ножницы и аккуратно вырезает ответ, который дает читателю Даниель Дефо: «А ты лучше спроси, — отвечал я, — почему Бог не убил тебя или меня, когда мы делали дурные вещи, оскорбляющие его; нас пощадили, чтобы мы раскаялись и получили прощение».

...Однажды во сне он искал нужную дверь, не нашел, упал в яму: «Разбился и проснулся с тем чувством, что и в жизни со мною то же: не знаю, в какую дверь, не знаю, в какую дверь, — и яма»...²⁶

Давайте остановимся на мысли, что Господь видит наши мотивы. Будем верить, что Корней Иванович Чуковский режет ножницами не по страницам любимого романа, а по собственной душе, что, мучаясь ночью в темном доме, он пытается сквозь цензуру спасти, донести до нас весть о Великом Поиске, в который однажды отправились шотландский моряк Александр Селькирк, английский гений Даниель Дефо и Робинзон Крузо из Йорка, обретший душевный покой на острове Отчаяния.

²⁶ Ирина Лукьянова, цит.произведение

Краснощекая тетка, перехваченная под мышками клетчатым платком, остановилась у крыльца, освещенного первыми скудными лучами солнца. Гремя бидоном, она подвинула на середину ступеньки стеклянную банку, с вечера выставленную за дверь хозяйкой домика, и белая молочная струя зажурчала под ее руками. Окно первого этажа распахнулась, и оттуда высунулась женщина с коротко стриженными, по-утреннему встрепанными волосами.

— Тише, — зашипела она сдавленным шепотом. — Тише! Папа спит!